

А. Я. Флиер¹

ГРАНИЦЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА²

Как известно, абсолютной свободы не бывает. Абсолютная свобода — это хаос, а социальной жизни хаос противоположен. Социальная жизнь предусматривает определенную упорядоченность, то есть ту или иную степень ограниченности в свободе сознания и поведения людей, вне которой их жизнь перестает быть социальной, системно организованной. Социальная свобода всегда имеет рациональные границы, и чем более четко они выражены, чем более понятны, тем увереннее люди чувствуют себя в системе такой свободы, тем органичнее ее воспринимают и эффективнее ею пользуются. Напротив, отсутствие границ и демаркаций дезориентирует человека в ситуации и фактически ограничивает его возможность воспользоваться своей свободой. Свобода неотделима от ясного обозначения своих пределов — как внешних границ, так и внутренних иерархий.

Как представляется, именно в неопределенности границ культурной свободы заключается основная проблема политики и практики мультикультурализма, осуществляемой ныне в странах Европы и Америки, а также в России. Отсутствие четко обозначенных и понятных пределов допустимого и недопустимого, произвольного и упорядоченного является главной «ахиллесовой пятой» этой политики.

Суть мультикультурной программы социального общежития, как известно, основана на уверенности в том, что людей разных этнических и религиозных культур можно смело селить на одной социальной площадке (в одном населенном пункте), не разделяя их территориально и не ограничивая в свободном культурном самопроявлении. Наоборот, разные практики осуществления собственных культурных манифестаций на «чужой» территории приветствуются как соответствующие духу прогрессивной мультикультур-

ной тенденции. При этом допустимые пределы таких самобытных культурных проявлений, степень их публичности и повсеместности, агрессивности и назойливости, необходимость в адаптации к местным нормам и традиционному укладу жизни демографического большинства никак не обозначаются и не оговариваются. Теоретически разрешается все. А необходимые социально-психологические установки для осуществления подобного общежития, такие как национальная и религиозная толерантность, понимание символических кодов чужих культур, взаимопонимание и взаим уважение в отношениях представителей разных культур и прочее, по мнению сторонников доктрины мультикультурализма, выработаются у людей стихийно.

Видимо, не нужно специально обосновывать высокий нравственный пафос идеи мультикультурализма. Если современный уровень научно-технического развития еще не может обеспечить «экономический коммунизм», то есть всеобщее материальное благоденствие, то общество пытается даровать людям «культурный коммунизм», выраженный в абсолютной свободе культурных самовыражений. Но...

Никоим образом не возражая против идеи мультикультурализма как принципиальной нравственной установки, предлагаю обратить внимание на некоторые практические сложности, возникающие при реализации этой программы. Понятно, что у представителей различных народов, оказавшихся таким образом в непосредственном территориально-коммунальном соседстве, возникают трудности во взаимодействии и взаимопонимании. Это связано с разным историческим и социальным опытом, с разницей в базовых установках исповедуемых религий, символике социального поведения, этнической специфике семейно-гендерных отношений, не говоря уже о проблемах чисто лингвистического характера и т. д.

Тем не менее эти сложности без особого труда преодолимы в случаях, когда таким образом взаимодействуют представители народов, находящихся на равном или близком уровне социального развития. Например, почти не наблюдается социокультурных проблем взаимопонимания и толерантного взаимодействия с местной социальной средой у японцев, живущих в европейском окружении, так же как и у европейцев в Японии; сравнительно легко находят общий язык волжские татары и русские, несмотря на разницу в вероисповеда-

¹ Профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией Института культурологии образования РАО, председатель Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурогенез», «Культурология для культурологов», «Некультурные функции культуры», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса», «Культурология 20–11» и др.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 11-03-12027в «Социокультурное развитие: аналитика, прогнозика».

нии, и т. п. Я уже не говорю о народах, принадлежащих к одному «цивилизационному кусту», скажем, обо всех европейцах-христианах и вообще о людях любой этнической и религиозной принадлежности, в целом ориентированных на европейский культурный стиль. Они находятся примерно на одном уровне социокультурного развития, и стереотипы их социального поведения, несмотря на несходство отдельных культурных форм, более или менее близки по существу. Главное, что у всех этих народов имеет место примерно одинаковое отношение к человеческой личности, ее свободам и правам, социальной автономности, защищенности от вмешательства в частную жизнь и т. п. Если в этом вопросе и есть какие-либо национальные особенности, то они касаются только «своих» и, как правило, не распространяются на «других». В целом говорить о какой-либо антагонистической несовместимости представителей таких народов при их соседском проживании не приходится, хотя мелкие недоразумения, разумеется, возникают.

Иная картина наблюдается в случаях, когда на одной социальной площадке вынуждены взаимодействовать представители народов, находящихся на разных этапах историко-социального становления. Например, когда индустриальных или постиндустриальных европейцев, американцев или японцев соединяют с представителями некоторых азиатских или африканских народов, находящихся на раннефеодальной или позднепервобытной стадиях развития. Подчеркиваю, что речь идет именно об общем стадийном разрыве в социокультурном развитии разных сообществ, а не об этнокультурных или религиозных особенностях. Например, показательно, что при всех проблемах, наблюдаемых ныне во взаимоотношениях коренного населения Европы и мусульманских диаспор, практически никогда не приходится слышать о какой-либо вовлеченности в такие конфликты иранской диаспоры (в США более 1 млн иранцев, в Европе — около 300 тыс.), и не потому, что иранцы настроены как-то иначе, чем другие мусульмане, а потому что иранское общество в целом находится на более высоком уровне социального развития, чем арабские или тюркские народы, и иранские мигранты в Европе ведут себя соответственно культурным стандартам местного населения.

Однако сторонникам мультикультурализма кажется, что, если поселить британского лорда и австралийского аборигена в соседних квартирах, то они не будут мешать друг другу. К сожалению, будут, и очень сильно, поскольку у них совершенно разные стереотипы социального поведения, практически не сочетаемые на одной территориальной площадке. Этот вопрос связан не с индивидуальными нравственными установками каждого из них, а с тем, что представления о социально допустимых и недопустимых порядках у них будут принципиально различаться. И проблема совсем не в том, что поведение лорда будет стилистически более утонченным (по европейским нормам), а абориген будет отличаться большей «простотой нравов». Это вопросы формы, и дело не в них.

Главное заключается в том, что при таком соседстве будет игнорироваться определенная историко-

социальная закономерность, которая в существенной мере определяет параметры непосредственной совместности представителей разных народов, и с ней необходимо считаться. Согласно этой закономерности, по мере продвижения человеческих сообществ от эпохи к эпохе, от одной стадии развития к другой постепенно менялось отношение к человеческой личности и уровню ее социокультурной автономии. Все более признавалось право индивида на личностное своеобразие и отличие от массового культурного стандарта; росли возможности для индивидуального выбора путей и форм социальной самореализации; возрастала защищенность индивида от грубого вмешательства общества в его личную жизнь, контроля за его интимной сферой и пр. Поэтому основная проблема соседства людей разных культур будет заключаться в том, что представитель культуры более низкого уровня развития не сможет оценить и соблюдать те нормы социальной индивидуализации и автономии личности, на которые будет претендовать представитель более развитой культуры, и вольно или невольно будет постоянно их нарушать. По этим причинам непосредственное коммуналное соседство британского лорда с австралийским аборигеном, русского интеллигента с кавказским джигитом представляется нежелательным. Не потому, что абориген или джигит нравственно несовершенны. Наверное, они замечательные и адекватные люди в рамках культурных норм своих народов. Но по уровню социокультурного развития они не в состоянии осознать и соблюдать те правила уважения к личности, которых придерживаются лорд и интеллигент.

Например, на улицах Москвы легко отличить кавказцев не только по внешним антропологическим признакам, но и по тому, что они делают замечания прохожим, громко обсуждают понравившихся или не понравившихся им девушек и т. п. Однако Москва — это не горный аул. Здесь не принят такой плотный социальный контроль за личностью, как у кавказских народов при их характерном уровне социального развития, и подобное поведение вызывает у москвичей раздражение. Конечно, это частный пример, но очень типичный. Подобное несоответствие стереотипов социального поведения приводит в том числе и к уголовным эксцессам.

Думается, именно в разных моделях допустимого социального контроля над личностью (как со стороны власти, так и со стороны соседей, прохожих на улице и прочего социального окружения) и сравнительно большей свободы от такого контроля, принятой в индустриально и постиндустриально развитой общественной среде, и заключается суть проблемы. Представители более традиционных культур, как правило, не в состоянии соблюсти такой режим социальной автономии личности, какой принят в Европе, что чревато конфликтами.

Таким образом, границы мультикультурализма определяются не только и не столько этнокультурными и религиозными параметрами своеобразия соседствующих национальных общин, сколько общим уровнем историко-стадийного развития тех или иных сообществ и совместимостью их представителей по это-

му признаку. При этом ярко проявляются характерные для той или иной стадии развития приоритеты в основаниях идентичности, норм социальной регуляции, стереотипов социального поведения. Эти приоритеты в целом хорошо известны, и определение историко-стадиального уровня развития той или иной национальной диаспорной группы по целому ряду характерных признаков не очень сложно. Нетрудно заметить, что, скажем, для сообществ позднерывыбитной стадии развития характерно агрессивное этнокультурное самоутверждение, клановость, «неприкосновенность» социальных обрядов и традиций жизнеобеспечения. Опасно нарушать их привычки именно в этом. Для сообществ аграрной (феодальной) стадии особенной значимостью обладают «правильное» вероисповедание, скрупулезная религиозная обрядность, агрессивные религиозные манифестации, религиозно детерминированное социальное поведение, внешний вид и пр. Гораздо сложнее ситуация, когда этническая общность в своем развитии находится на стадии перехода от поздней первобытности к раннему феодализму, и все эти приоритеты в ее культуре причудливо перемешаны. Следует отметить, что значительная часть архаических сообществ, к которым относится основная масса мигрантов, приезжающих в Европу и Америку из Азии и Африки, находится именно на этой переходной стадии (естественно, на разных этапах), и это создает дополнительные трудности в социокультурной работе с такими переселенцами.

Разумеется, перечисленные культурные доминанты можно встретить и у представителей самых высокоразвитых обществ. Однако здесь они присутствуют только на индивидуальном или субкультурном уровнях и воспринимаются как архаическая экзотика (например, культура старообрядцев у русских, хасидов у евреев, мормонов и иных сектантов в Америке и по всему миру и т. п.). Но как доминирующая общая социальная норма это имеет место именно в сообществах соответствующего уровня социального развития.

В принципе все это в той или иной мере учитывается на практике при осуществлении национальной политики современных государств, но часто имеет недостаточно системный и научно обоснованный подход. Представляется, что современные культурные антропологи (в частности ведущие исследования в рамках Cultural Studies) в основном увлечены анализом локальной самобытности диаспорных культурных групп и не уделяют должного внимания более общей историко-стадиальной стороне проблемы. А она по-своему чрезвычайно важна — именно эта сторона определяет основные типологические признаки данных культур.

Проблемы культурной совместимости местного населения и разных этнических диаспор были хорошо известны и в прежние времена. Выход из положения, как правило, находился в территориальном размежевании представителей разных культур — в создании национальных гетто, чайна-таунов и т. п. — как в Европе для пришлого населения, так и для европейцев, живущих в Азии и Африке. Нередко создание таких изолированных инородческих кварталов было необходимо для обеспечения безопасности иноверцев в рели-

гиозно агрессивных обществах Средневековья. Между тем подобная принудительная территориальная разобщенность на самом деле лишь частично стесняла культурную свободу разных национальных и религиозных групп. Они были несвободны на «чужой» территории, а в «своем» квартале их свобода культурного саморазвития почти не ограничивалась. Это было, может быть, не лучшим, но, по крайней мере, хоть каким-то системным решением.

Однако и ныне, когда система чайна-таунов уже почти не практикуется государствами, принимающими мигрантов, такого рода национальные кварталы возникают стихийно, сами по себе. В связи с этим следует обратить внимание на одну важную закономерность. Как правило, к изолированному компактному поселению в чужой стране стремятся в первую очередь те мигранты, у которых наблюдается существенный разрыв с принимающей средой именно по уровню социального развития (то есть это опять же детерминировано историко-стадиальными причинами). Такие мигранты сами заинтересованы в образовании национальных резерваций, в пределах которых они будут чувствовать себя более комфортно (и с точки зрения безопасности, и в плане торжества привычных для них обычаев социального устройства, общинных взаимоотношений и пр.). То есть чайна-тауны — это прежде всего стихийные образования, возникающие в интересах самих мигрантов. Представители социально развитых сообществ при переезде в иную страну, напротив, стремятся к скорейшей культурной ассимиляции в обществе пребывания (хотя бы на уровне социальной коммуникации за пределами своей квартиры).

Думаю, что не следует отказываться от опыта существования чайна-таунов и связанных с ними положительных эффектов. Но вопрос надо ставить шире: в условиях, когда соседи по населенному пункту различаются не только формами своих этнических культурных проявлений, но и уровнем социального развития, ведущего к серьезным различиям в стереотипах социального поведения, не может быть единых, универсальных способов осуществления политики мультикультурализма. Пора переходить к дифференцированной практике, которая будет сочетать разные формы: от полной свободы культурного самовыражения до более или менее жестких ограничений такой свободы, от смешанного расселения до особых национальных кварталов. В каждом случае решение должно быть индивидуальным. Уже ясно, что единых решений, применимых ко всем жизненным ситуациям, здесь быть не может. Однако встает вопрос: на каких основаниях и по какому принципу проводить такого рода дифференциацию? Ответа пока нет, но найти его хотя бы частично — насущная необходимость.

Еще одна важная проблема — сочетание политических доктрин культурной ассимиляции и мультикультурализма.

Доктрина культурной ассимиляции происходит от национальной политики Великой французской революции и принципов американской Декларации независимости конца XVIII века. Суть ее заключается в том, что государство готово принимать и включать

в свою национальную общность любых иностранцев независимо от их происхождения, социальной, этнической, расовой, религиозной принадлежности, но на условиях их более или менее полной культурной ассимиляции в принимающей среде. В Великой армии Наполеона (в собственно французской ее части) служили представители десятков национальностей — немцы и итальянцы, западные и южные славяне, египетские мамлюки и карибские негры, — основным требованием ко всем было владение французским языком, лояльность к французским законам и более или менее полное соответствие основным стереотипам именно французского социального поведения. Великая армия была в существенной мере прообразом нынешнего Иностранного легиона, где не интересуются даже именем новобранца, а тем более его национальностью или вероисповеданием. Главное, чтобы он понимал по-французски. Таким же образом на основании обязательной культурной ассимиляции предоставлялось и французское гражданство. Постепенно в течение XIX века и другие европейские страны перешли к этой модели национальной политики в той или иной форме. Принимающее государство давало человеку социальную и политическую легализацию при условии его культурной ассимиляции.

Мультикультурализм является моделью национальной политики, по своей сути альтернативной ассимиляционной доктрине. От иностранца не требуется культурная ассимиляция в стране пребывания (часто не нужно даже владение языком, не говоря уже о стереотипах социального поведения), а предоставляется полная свобода собственных культурных манифестаций. Провозглашается «культурный коммунизм» — каждому по его культурной потребности. В принципе это можно только приветствовать. Однако нетрудно предвидеть, что при проведении такой национальной политики сообщества рискуют рано или поздно лишиться своей культурной целостности и упорядоченности, начнут входить в ситуацию культурного хаоса. Постепенно они утратят свой культурно организованный и культурно регулируемый характер и превратятся в чисто политические сообщества, управляемые преимущественно методами насилия и не подкрепляемые соответствующим социокультурным единством. Чем мультикультуралисты собираются компенсировать такую утрату? Насколько масштабное политическое насилие придется осуществлять государствам, чтобы заменить естественную культурную саморегуляцию в социальной жизни населения?

Очевидно, что задачи сохранения сообщества в его устойчивой культурной целостности и поддержания социальной управляемости требуют проведения прежде всего политики культурной ассимиляции в качестве основной, «генеральной линии» по отношению к мигрантам. А принципы мультикультурализ-

ма должны использоваться в национальной политике достаточно широко, но лишь в качестве дополнительных обстоятельств (ситуативно). Возможно, в случаях «мультикультуральных» решений иногда придется сочетать их с определенного рода территориальной автономизацией таких культурных групп в кварталах, подобных чайна-таунам. Представляется, что как в дихотомии «ассимиляция—мультикультурализм», так и в территориальном размещении разных национальных групп требуется максимальная пластичность, чтобы по возможности не ущемлять права людей, но неукоснительно сохранять культурную целостность базового сообщества.

Как бы то ни было, в целом возвращение к ассимиляционной национальной политике представляется неизбежным. Разумеется, речь не идет о насильственных ассимиляционных кампаниях и запретах на «иные» культурные манифестации, но стимулировать активность мигрантов в вопросах культурной ассимиляции (например размерами социальных пособий) придется, иначе сообщество быстро превратится в «полицейское государство». Все коренное население пойдет работать в полицию, чтобы регулировать жизнь «понаехавших». Иных средств поддержания порядка в таком сообществе не останется; никакой стихийной социокультурной саморегуляции в такой смешанной (фрагментированной) социальной и национальной среде происходить не будет.

Сколь последовательно мы бы ни относились к англо-французскому пониманию нации как политической общности (а в последнее время и в России стали четко дифференцировать понятия «национального» и «этнического»), нельзя не отметить, что нация управляется не только политическими методами («сверху»), но и в существенной мере средствами более или менее стихийной социокультурной саморегуляции («снизу»). В этом и заключается основная социальная функция культуры, ее наибольшая социальная «полезность». Безграничный мультикультурализм ведет к неотвратимому снижению значения и эффективности средств саморегуляции, то есть к размыванию нации как системной общности, превращению ее в общность, фрагментированную случайным образом. Последствия этого трудно себе представить. Не будем забывать, что культурная целостность, социальная солидарность и идентификационное единство — это еще и значимые вопросы национальной безопасности.

Еще раз повторю: мультикультурализм как нравственный принцип замечателен. Он основан на великолепной идее обеспечения культурного равноправия всех людей на Земле. Но поддержание социального порядка при этом потребует значительных политических усилий, потому что свобода — это абсолютно «полицейская» категория...